

УДК 75.07

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-9-17

Процесс становления художественной элиты: теоретико-мировоззренческие искания на примере жизни и творчества С.Б. Никритина

Юлия С. Филина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, www.w@icloud.com*

Аннотация. Данная статья предпринимает попытку рассмотреть становление С.Б. Никритина – художника и теоретика искусства, чей жизненный путь олицетворяет энтузиазм и в то же время трагизм эпохи, начавшейся с Революции 1917 г. В статье использованы архивные материалы отдела рукописей Третьяковской галереи и Российского государственного архива литературы и искусств. Никритин являлся «левым» художником, по крайней мере в том смысле, что он был приверженцем социалистической теории, но не мог не противостоять догматизму, который постепенно сковывал художественную жизнь с начала 1920-х годов. Вся профессиональная жизнь художника была сконцентрирована вокруг идеи особого пути нового искусства. Период его детства связан с традиционной культурой еврейских «местечек», в которую активно проникали социалистические идеи. Обучение художественному делу у таких мастеров, как А. Экстер, знакомство с М. Горьким и А. Луначарским привели его во ВХУТЕМАС – высшее художественное училище, в котором преподавали художники-новаторы. Однако С.Б. Никритин был не готов остановиться на предлагаемых теориях, ведь именно его поколение художников считало, что на него возложена миссия выработать искусство для нового общества.

Ключевые слова: творческая элита, С.Б. Никритин, авангард, философские искания, проекционизм, Октябрьская революция

Для цитирования: Филина Ю.С. Процесс становления художественной элиты: теоретико-мировоззренческие искания на примере жизни и творчества С.Б. Никритина // Вестник РГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 9–17. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-9-17

The Process of Formation of the Artistic Elite.
Theoretical and Ideological Searchings
by the Example of S.B. Nikritin's Life and Work

Julia S. Philina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, wwww.w@icloud.com*

Abstract. In the article an attempt is made to study the formation of S.B. Nikritin as an artist and art theorist, whose life shows both the enthusiasm and tragedy of the epoch since Revolution 1917. The research is based on the materials from Manuscripts Department of the Tretyakov Gallery Archive and the Russian State Archive of Literature and Arts. Nikritin was a left-wing artist, at least as he was a socialist theory supporter. However, Nikritin could not but resist dogmatism, that gradually fettered artistic life since the early 1920s. All his professional life was focused on the idea of a new art special way. His childhood was connected with the traditional culture of Jewish shtetls, in which socialistic ideas actively penetrated. Being a student of such masters as A. Ekster, as well as his acquaintance with M. Gorky and A. Lunacharsky brought Nikritin to VHUTEMAS – the higher art school, where professors were innovators. However, S.B. Nikritin was not ready to settle upon the theories proposed there, since his generation of artists believed they had a mission – to develop art for a new society.

Keywords: artistic elite, S.B. Nikritin, avant-garde, philosophical quests, the October Revolution

For citation: Philina JuS. The Process of Formation of the Artistic Elite. Theoretical and Ideological Searchings by the Example of S.B. Nikritin's Life and Work. *RSUH/RRGUBulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):9-17. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-9-17

Введение

В настоящее время мы наблюдаем пик интереса к авангардному искусству, издаются многочисленные монографии, статьи. Большинство из них искусствоведческие или, в меньшем количестве, философские. В данной работе предпринята попытка именно исторического анализа художественной среды. Художник Соломон

Борисович Никритин представляется незаслуженно малоизученной фигурой. На это обращает внимание и Л.Р. Пчелкина, искусствовед, исследователь его творчества: «Несмотря на доступность для специалистов его (С.Б. Никритина) художественного и теоретического наследия вот уже 50 лет, ни одной монографии о художнике не написано» [1 с. 93].

Взросление С.Б. Никритина. Дореволюционный период

Родился и вырос Никритин в Чернигове, где развивался скорее под влиянием марксистской среды, а не еврейского сообщества. Детство С.Б. Никритина прошло в окружении многочисленных родственников, большинство из которых он вспоминает тепло: «Был дедушка Залмон-Леви, жил он весело и радостно... О! Лучистые глаза моей матери! Вот вы светитесь и смеетесь и маленькие морщинки век ваших бегают как лучи желтенькой вечеровой свечки» [2 с. 4об., 7об.].

Несколько нетрадиционно сложились в дальнейшем отношения в семье Никритина, что болезненно переживалось им. Большим потрясением для Никритина (так же, как и для его матери и сестры) стал уход отца из семьи: «В 1907 г. был ужасный день осени. В этот день мой отец бросил меня, мать, сестру и ушел. Вот уже много лет как моя семья разорвана на две половины и каждая из них живет отдельной жизнью. Боль наполняет мое сердце, когда я вспоминаю об этом» [2 с. 7].

Близкие отношения связывали Никритина с сестрой Анной, он очень тяжело переживал ее болезнь [2 с. 13]. Какой именно недуг одолевал сестру, он не упоминает, однако несколько раз в дневниках повторяя слово «голод», художник пишет: «Анна лежит в постели: бледная, отвернувшаяся и измученная» [2 с. 13об.]. Анна Борисовна впоследствии стала кино- и театральной драматической актрисой, артисткой Камерного театра в Москве, ленинградского Большого драматического, служила и в Камерном театре Таирова. Она вышла замуж за известного писателя и поэта-имажиниста, драматурга А.Б. Мариенгофа. Близостью с сестрой и А. Мариенгофом объясняется и выбор творческого окружения Никритина, повлиявший и на его творческий путь.

В 1909 г. С.Б. Никритин поступил в Киевское художественное училище, которое окончил в 1914 г. Период обучения в училище С.Б. Никритин оценивает как «первое ощущение самостоятельности, ...первые относительно глубокие сознательные процессы» [3 с. 2].

Никритин рисует разные виды Николаевского парка в Киеве, пишет первое стихотворение. В училище Никритин сталкивается, как сам пишет, с «религиозными или правдоискательскими» переживаниями, увлекается философией [3 с. 2]. Он полностью погружается в жизнь художественного училища, отрыв же от него, возвращение домой на каникулы описывает следующими словами: «Лето 1911 г. – семейные муки» [3 с. 2].

Начиная с 1910 г. Соломон Борисович участвует в организации в Киеве детского театра¹, его стремление к театру даст знать о себе и в будущей его жизни.

Модернистская художественная среда. Вступление и влияния

В 1914 г. в Киеве происходит встреча, которая имела не меньшее значение в судьбе Никритина, чем связи его сестры с театральной и литературной общественностью. Тогда же Соломон Борисович впервые встречается с А.М. Горьким, об этом вспоминает сестра Никритина – Анна Борисовна: «Особое впечатление произвели на М. Горького вещи моего брата Семы Никритина. М. Горький настолько ими увлекся, что предложил брату ехать с ним в Питер. Так как у брата не было права жительства, то Алексей Максимович поселил его у себя на квартире на Кронверкском проспекте, где брат прожил довольно долго, а потом его переправили в Москву» [4 с. лист? 1].

Горький очень внимательно относится к молодому художнику. «М. Горький и М.Ф. Андреева не переставали заботиться о брате», пишет Анна [4 с. 2]. Никритин показывает Горькому свои рисунки, Горький направляет его на обучение в Москву и Петроград, знакомит со многими представителями творческой интеллигенции [5 с. 4].

Возможно, это связано не только с работами Никритина как художника, но и с его философскими воззрениями. Если обратить внимание на период пребывания М. Горького на Капри, то становится очевидным увлечение им «небольшевистским» марксизмом. Горький активно сотрудничает с Луначарским, Богдановым, Базаровым, разделяет идеи «богостроительства». Исследователь И.А. Ревякина отмечает: «На самом деле интерес Горького к “другому марксизму” – “русским махистам”, по уничижающему определению Ленина, был, несомненно, серьезным. Писателя восхища-

¹ Скорее всего имеется в виду Детский театр миниатюр Е.Л. Зорина.

ли его сторонники» [6 с. 100]. Таким образом, в лице М. Горького Никритин мог найти не только художественного наставника, но и соратника в отношении к философии социализма. В воззрениях Никритина, а также в его театральной деятельности явственно чувствуется влияние «Тектологии» Богданова. Особая роль организации (в богдановском понимании) просматривается в стремлении упорядочить эмоциональное постижение театра (или картины), раскладывая действо на составляющие (звук, цвет и пр.), проводя глубокий анализ каждой, а затем переводя все это в совершенно новую форму. Проекционный театр был тем театром, «где отдельными речевыми звуками, произносимыми артистами, они стремились выразить всю сложность и глубину сюжетного замысла драматурга» [5 с. 7]. Реакция зрителя на такой театр была отрицательной, однако Никритин нашел поддержку в лице А. Гастева, возглавлявшего на тот момент Институт труда.

Осмысление Революции 1917 г.

Несмотря на замечание Ш. Плаггенборга, что «обратившись к источникам, довольно скоро можно сделать вывод, что о старом в них говорится очень мало, о революции не говорится почти совсем» [7 с. 40], Никритин в воспоминаниях пытается осмыслить и понять тот путь, который прошли он и его окружение до и после революции. Первая мировая война для С.Б. Никритина – это определенный рубеж, который оказался крайне ощутимым для всего творческого сообщества: «Помните этот период, его можно разделить на два отдела: один до войны, другой после. В первом было все очень просто: где-то далеко жизнь, которую почти не слышишь, вблизи, конкурирующие между собою “братья по искусству”, в чем конкурирующие, об этом даже не спрашивалось: жили злобой профессионального дня... Принималось то, что было легче принять. Кубизм и футуризм как-то проходил МИМО, а над супрематизмом просто смеялись... Так докатывался к нам в Россию революционный подъем западного искусства, о его смысле не спрашивалось, реагировали так, как подсказывало сегодня “сердце”, писав пейзажи, натюрморты, портреты, отдавая радости “созерцания и творчества”, мечтая о монументальности старинных мастеров, разговаривая о мастерстве, ругая “ничего не понимавших” рецензентов, и когда задумываясь о том, что это за “формос” и “пластическое сознание”, о котором столько пишут за границей» [8 с. 1].

Никритин воспринимает шквал упреков, которые обрушиваются на новаторов. Казалось, наступает «конец» искусства, ожидаемый еще со времени Гегеля. «Нельзя сказать, чтобы нас не окружали никакие потрясения, ибо какое-нибудь дело Бейлиса или выезд царя тоже были потрясениями, нельзя сказать, чтобы не было идей, ибо создание национального искусства тоже было идеей. Но это были поверхностные потрясения и идеи, они были достаточно отвлеченны, достаточно нас мало касались в домашнем быту, чтобы волновать нас до боли, чтобы в упор поднимать какие-то противоречия и вопросы – вот почему можно было жить как бы в тумане, без особого отвечающего на все “пути”... Но вот грянула война, война, затронувшая нас непосредственно, ибо на ней гибли лучшие друзья и наиболее близкие люди. Война со всех сторон бессмысленная – ибо так на нее отвечала и наша “наследственная” среда. Мы ничего не понимали в жизни, фактически не участвовали в ней, были оторваны от нее вместе с нашей интеллигенцией. ...Искусство звало к наслаждению прекрасным, жизнь – к убийству, искусство восхваляло нежность, любовь – возвышенные чувства, жизнь – ненависть к врагу, борьбу за существование и т. д. Они были в корне противоречивы – жизнь была за войну, искусство против нее, нужно было выбирать то или другое, мы выбрали искусство. ...война нас убеждала, что жизнь, по существу, консервативна, в ней нет прогресса, что в ней одинаково растут орудия добра и зла и т. д. Во имя строительства жизни не стоит работать! А во имя искусства, о! Мы фактически слишком любили мир» [8 с. 2–4].

Эти воспоминания были написаны в сентябре 1922 г., Соломон Борисович как будто оправдывает себя и своих товарищей – художников за ту «поверхностность», которая была присуща им в до-революционное время. В то же время эти воспоминания являются отчасти реакцией на нэп, введение которого Никритин переживал тяжело.

После окончания Киевского художественного училища С.Б. Никритин продолжает свое обучение в Москве и Петрограде.

Революцию С.Б. Никритин встречает в Киеве. Согласно воспоминаниям В.И. Костина, художник «активнейшим образом участвует в пропагандистской изобразительной работе Киева» [5 с. 6]. Это был весьма плодотворный период для художника. В 1919 г. Никритин стал одним из участников Еврейской культурной лиги в Киеве.

Особенно отмечает в своей судьбе С.Б. Никритин один год: «Работать сознательно начал в 1919 г. К осени 1920 г. (28 сентя-

бря) сформулировал основные рабочие положения своего художественного мировоззрения в виде ряда тезисов. ...Прошедшие 14 лет, учеба за эти годы, встречи, разнообразный жизненный опыт неизменно подтверждал коренную историческую правильность установки взятой в 1919 г.» [3 с. 3]. Однако что именно произошло, почему выбрана именно эта дата, источники не раскрывают.

В 1920 г. Соломон Борисович эвакуирован в Харьков, откуда по командировке А.В. Луначарского он отправляется в Москву. В 1920–1921 гг. С.Б. Никритин оканчивает ВХУТЕМАС и сразу же становится членом «рабочего студенческого комитета». Б.Е. Ефимов, художник и карикатурист, также прошедший юность в Харькове и Киеве, так вспоминает свое первое впечатление о двух столицах: «В Петрограде я испытал те же чувства, что и в Москве: слава великого города ассоциировалась у меня не только и не столько с его далеким историческим прошлым, сколько с его новой, революционной славой и романтикой. Ведь мое поколение, прошедшее через “университеты” гражданской войны, хотя и уважало культурное наследие, но больше тяготело ко всему новому, необычайному, ниспровергающему. ...Естественно, что образы трех революций, события которых разворачивались здесь, на улицах и площадях Петрограда, заслонили в моих глазах все остальное» [9 с. 38].

Отныне Никритин занимается станковой живописью, активно участвует в деятельности Музея живописной культуры, но также разрабатывает собственное течение – «проекционизм». Музей живописной культуры стал почти составной частью ВХУТЕМАСа и местом, где особенно часто встречались будущие члены ОСТА. С.Б. Никритин был настолько увлечен проекционизмом, что, согласно данным исследователя В.И. Костина [10 с. 33], отказался от вступления в ОСТ из-за несогласия с их теоретическими разработками.

В период существования многих творческих групп, их борьбы не только из-за идеологических разногласий, но и элементарно за большее финансирование государством, сложно было выжить художнику-одиночке, тем более имевшему собственную теорию относительно будущего искусства и будущего в целом. Не имея практически никакой поддержки сверху, С.Б. Никритин был ограничен в своем творчестве. Его жена Д.И. Никритина отмечала, что практически на протяжении всей жизни Соломона Борисовича его работа осложнялась из-за отсутствия мастерской [11 с. 1].

Заключение

В 1929–1930 гг. С.Б. Никритина по его просьбе командировали в Рязань, где он «вел педагогическую работу по живописи, рисунку и цветоведению в Рязанском педагогическом художественном техникуме и читал лекции по истории живописи на Краснопресненских художественных курсах» [12 с. 4]. В это же время Никритин был привлечен к работе в Главискусстве НКП в качестве научного консультанта, где принимал участие в организации двух крупных выставок: «Антиалкогольная» в ГТГ и «Дети в советском искусстве» в ЦПКиО. В 1930 г. художник ненадолго вернулся в Москву, затем НКП командировал его в Сталинград на тракторный завод для творческой работы.

Это был закат его теоретических изысканий. Можно предположить, что желание Никритина отправиться в Рязань было связано отнюдь не с разочарованием в своей работе, а с ужесточением режима в стране, в том числе, в отношении культурной политики.

Однако и позднее С.Б. Никритин выступал за свободу в отношении культурной политики, он осуждал «групповщину» А. Герасимова: «Все, что добыто советским искусством в борьбе за творческий, социалистический реализм – добыто не этой группой, а вопреки ней и в борьбе с ней» [5 с. 25].

Эту верность революционно-модернистским поискам Никритину «припомнили» уже в 1956 г.: «Мне кажется, что т. Никритин очень много времени потерял на поиски, открывая Америки, давно уже открытые. Если бы он лет 20–30 тому назад стал на тот путь, на котором находится сейчас – ...то добился бы больших успехов» [13 с. 308].

И все же Соломон Борисович Никритин остался верен своим идеям. Он считал себя художником, рожденным революцией, носителем революционных идей, способных вывести человечество в новую эру.

Литература

1. Пчелкина Л.Р. Соломон Никритин – «художник процесса»: Неизвестные страницы русского авангарда 1920-х годов // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПА. 2012. № 1/1. С. 86–95.
2. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 109.
3. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 12.
4. Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 2717. Оп. 1. Д. 100.
5. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 312.
6. Ревякина И.А. «...В партии я не встречал равных им»: Неопубликованное письмо А. Богданова М. Горькому // Scando-slavica. 1993. Т. 39. С. 100–106.

7. *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 414 с.
8. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 53.
9. *Ефимов Б.Е.* Ровесник века: Воспоминания. М.: Сов. художник, 1987. 347 с.
10. *Костин В.И.* ОСТ. Л.: Художник РСФСР, 1976. 159 с.
11. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 302.
12. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 20.
13. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 308.

References

1. *Pchelkina LR.* Solomon Nikritin is the “artist of the process”. Unknown pages of the Russian avant-garde of the 1920s. V: *Decorative art and the subject-spatial environment.* Vestnik MGHPA. 2012;1/1:86-95. (In Russ.)
2. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 109.
3. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 12.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstv. Fond 2717. Opis' 1. Delo 100.
5. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 312.
6. *Revyakina IA.* “...In the party, I have seen nobody matching them”. An unpublished letter from A. Bogdanov to M. Gorky. *Scando-slavica.* 1993;39:100-6. (In Russ.)
7. *Plaggenborg S.* Revolution and culture: cultural landmarks in the period between the October Revolution and the era of Stalinism. Sankt-Peterburg: Zhurnal “Neva” Publ.; 2000. 414 p. (In Russ.)
8. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 53.
9. *Efimov BE.* Coeval with the century. Memoirs. Moscow: Sovetskii hudozhnik Publ.; 1987. 347 p. (In Russ.)
10. *Kostin VI.* OST. Leningrad: Hudozhnik RSFSR Publ.; 1976. 159 p. (In Russ.)
11. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 302.
12. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 20.
13. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 308.

Информация об авторе

Юлия С. Филина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; wwwww.w@icloud.com

Information about the author

Julia S. Philina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; wwwww.w@icloud.com